

Детектив в стиле Конан Дойла

Детектив в етиле Конан Дойла

Виктория Томпсон

Убийство
на площади Астор

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т56

Victoria Thompson
MURDER ON ASTOR PLACE
Copyright © 1999 by Victoria Thompson

Оформление серии *Ф. Барбьшева, А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

Томпсон, Виктория.
Т56 Убийство на площади Астор / Виктория Томпсон ; [пер. с англ. И. Данилова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Детектив в стиле Ко-нан Дойла).

ISBN 978-5-699-95593-0

Нью-Йорк, конец XIX века. В приличном пансионе на площади Астор произошло убийство — задушили одну из постоялиц. Незадолго до этой трагедии в номерах оказалась акушерка Сара Брандт — ее услуги понадобились хозяйке заведения. К своему изумлению, она узнала в жертве преступления совсем еще юную дочь одного из самых богатых семейств Нью-Йорка, проживавшую в пансионе под чужим именем. А тут еще выяснилось, что убитая была беременна... Горя негодованием, Сара решила помочь чем сможет расследовавшему это дело сержанту полиции Фрэнку Мэллоу. Но тот шокирован ее рвением — ведь женщины и сыск несовместимы...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Данилов И.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-95593-0 ООО «Издательство «Э», 2017

*Моему литературному агенту Нэнси Йост,
которая всегда верила в меня
и заставляла меня смеяться,
даже когда приносила скверные новости.
И моему дорогому мужу Джиму,
который снимал с меня бремя забот,
так что в итоге я смогла
написать вот это*

Глава 1

Поначалу Сара решила, что звон колокольчика — это часть ее сна. Он звенел так нежно и успокаивающе, а она спешила на этот звук, идя через залитую солнцем лужайку, как будто ее манила золотистая бабочка. Но потом раздался громкий стук в дверь, и Сара поняла, что это вовсе не сон. С трудом вытащив себя с этой прекрасной лужайки и из глубин сна, она неохотно разлепила тяжелые веки. Ну конечно, кто-то барабанил в наружную дверь.

— Попридержи лошадей, — пробормотала Сара, отбрасывая в сторону одеяло.

Для начала апреля ночной воздух был довольно холодным. Сара живо вспомнила, как накануне вечером налетел мерзкий ветер и засыпал город снегом — его выпало несколько дюймов. Дрожа от холода, женщина пошарила в темноте, отыскивая шлепанцы, но так и не нашла и в полной тьме двинулась босиком туда, где была дверь в спальню. По пути подхватила с изножья кровати свой халат и на ходу натянула.

— Иду-иду! — крикнула она, раздумывая, слышит ли ее тот, кто так долбит в дверь, за создаваемым им самим грохотом.

На самом деле Саре хотелось крикнуть: «Да успокойся ты! Дети сами отлично знают, когда им родиться, вряд ли требуется спешка». За все три года, которые Сара проработала акушеркой, зарабатывая себе на жизнь родовспоможением, она могла по пальцам

Виктория Томпсон

одной руки перечислить случаи, действительно требующие экстренных мер. Обычно это были ситуации, когда ее вызывали в лачугу где-нибудь в Лоуэр-Ист-Сайде к роженице настолько бедной, что та даже не могла оплатить услуги акушерки, а роды протекали тяжело и с осложнениями. У семьи несчастной не оставалось иного выбора, кроме как вызвать Сару, часто в почти напрасной надежде, что она сумеет спасти либо мать, либо ребенка.

Страхнув с себя последние остатки сна, Сара прошла через промерзшую переднюю комнату, которая также служила приемной. Про себя она молилась, чтобы это оказался не подобный безнадежный случай. Свет уличных газовых фонарей отражался от свежесвыпавшего снега и давал достаточное освещение. Несмотря на зашторенные окна, Сара сумела пересечь приемную, не наткнувшись на предметы медицинского оборудования.

— Кто там? — спросила она, добравшись до входной двери.

Женщине, живущей в одиночестве, да еще в Нью-Йорке, следует соблюдать особую осторожность, даже если она находится в относительно цивилизованном районе, известном как Гринвич-Виллидж.

— Это Хэм Фишер. Я недавно поселился в пансионе миссис Хиггинс. У нее началось! Она послала меня, чтобы...

— Сейчас. Уже иду. Одну минутку. — Сара испытала некоторое облегчение, торопливо возвращаясь в спальню, чтобы одеться.

У миссис Хиггинс все пройдет легко — если, конечно, не возникнут непредвиденные осложнения. У нее это будет уже шестой ребенок, и предыдущие роды проходили без проблем. Сара сама принимала пятого младенца миссис Хиггинс, еще и двух лет не прошло с того дня. Значит, не придется посреди ночи тащиться в Лоуэр-Ист-Сайд, где любую женщину, по-

явившуюся на улице после наступления сумерек, по определению считают проституткой, даже если ее кто-то сопровождает. Очевидно, в качестве посыльного Хэма выбрали потому, что он мог обеспечить Саре безопасность и своевременное прибытие на место, но одного-единственного телохранителя оказалось бы явно недостаточно, чтобы защитить акушерку от обитателей бедного района с многоквартирными домами.

Нынче Саре придется пройти всего несколько кварталов Виллидж, чтобы добраться до пансиона миссис Хиггинс. Это весьма кстати, поскольку снега в некоторых местах набралось довольно много. «И кто теперь, — думала Сара на ходу, — будет готовить еду для жильцов пансиона, если миссис Хиггинс рождает?» Акушерке придется твердо настоять на том, чтобы роженица не вставала с постели и не принималась слишком скоро за работу ни при каких обстоятельствах. Шесть детей за десять лет и так здорово сказались на ней, и если Саре не удалось добиться того, чтобы миссис Хиггинс больше не беременела, она, по крайней мере, позаботится о том, чтобы здоровье матери не пострадало более неизбежного.

Поспешно — как от холода, так и в силу срочности дела — Сара натянула на себя все требуемые предметы туалета и белье, а также то, что она считала своими «родильными одежками», — самую старую юбку и блузку с длинными рукавами, которым не страшны случайные брызги крови или иных жидкостей, что могли попасть на них в процессе родов. Всего через несколько минут акушерка была готова. Она набросила на плечи толстый тяжелый плащ, чтобы прикрыться от ледяного ветра, и схватила свой медицинский саквояж. То есть саквояж Тома. Тот самый, который Сара подарила ему, когда он стал врачом и получил официальное свидетельство. На стенке по-прежнему было написано его имя — «доктор Томас

Виктория Томпсон

Брандт». Сара всегда чувствовала рядом присутствие Тома, когда шла куда-то с этим саквояжем...

Безжалостно отбросив воспоминания, акушерка устремила к выходу. Хэм Фишер ждал ее. Он оказался здоровым, рослым парнем с покрытым оспинами лицом и полным ртом кривых зубов. Его глаза в данный момент были неестественно широко раскрыты от ужаса.

— Надо бы поспешить, миссис Брандт, — пробормотал Фишер.

Один только намек на то, что ребенок уже мог начать продвигаться к свету, повергал его в панику. Обычная реакция для большинства мужчин. Сара прекрасно знала, что спорить с Фишером бесполезно.

— Конечно-конечно, — согласилась она и последовала за провожатым, когда тот двинулся вперед поспешной рысью.

Ветер уже прекратился, и облака разошлись. Выпавший снег успел превратиться на мостовой в мерзкую слякотную кашу, в которой оставили следы колеса повозок и копыта лошадей. Но на тротуаре снега еще было по колено, за исключением мест, где его успели притоптать другие прохожие. Сара чувствовала, как влажный холод проникает в туфли. Она осторожно следовала за Хэмом, ступая по его следам.

Сара успела сделать всего несколько шагов, когда услышала, как наверху в соседнем доме кто-то поднял створку окна и знакомый голос осведомился:

— Миссис Брандт, это вы?

— Да, миссис Элсуорт, — ответила Сара и улыбнулась. Миссис Элсуорт вряд ли увидит в темноте ее улыбку.

Следовало бы помнить, что уйти незамеченной ни за что не удастся. Соседка засечет любое движение даже среди ночи. Иногда Сара задавалась вопросом: а спит ли эта старуха когда-нибудь вообще?

— Ох, боже мой, неужели кто-то должен родиться в такую ужасную ночь?

— Точно, должен. — Сара надеялась, что эта переключка не перебудит соседей. — Мне надо спешить, — добавила она, заметив, что Хэм Фишер остановился, поджидая ее с видимым нетерпением.

— Ох, боже ты мой, так сегодня ж десятый день после новолуния! Вы ведь знаете, что это означает, не правда ли? Любой человек, родившийся на десятый день новолуния, обречен стать беспокойным бродягой, неутомным странником... Как вы думаете, может, вам удастся отсрочить, задержать роды хотя бы на один день? Это ведь жестоко — обречь бедного младенца на такую жизнь, полную...

— Я сделаю все от меня зависящее, миссис Элсуорт, — пообещала Сара, качая головой.

К счастью, темнота скрывала лицо акушерки, на котором читалось явное отвращение. У старухи были предрассудки и суеверия по любому поводу. Сара успела наслушаться от нее сотен подобных предостережений за те годы, что жила по соседству, но миссис Элсуорт продолжала поражать ее все новыми и новыми. Кажется, у этой дамы неистощимый запас подобных штук.

— Миссис Брандт, ну *пожалуйста!* — взмолился Хэм.

— Увидимся утром, миссис Элсуорт, — попрощалась Сара, поспешно догоняя своего сопровождающего, снова припустившего рысью.

— Надеюсь, вы прихватили с собой щепотку соли, чтобы уберечься от несчастий, раз уж выбрались на улицу в такую ночь! — прокричала им вслед миссис Элсуорт.

— Да-да, прихватила! — соврала в ответ Сара, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Еще через полквартила Хэм наконец осознал, что акушерка не может идти так же быстро, как он. Фи-

Виктория Томпсон

шер замедлил шаг и подождал ее, хотя дрожал всем телом от нетерпения и желания помчаться бегом. Он стащил с головы свою потрепанную шапку и провел длинными костлявыми пальцами по спутанным со сна волосам.

— Кто это там? — раздался еще один знакомый голос из тени на противоположной стороне пустой улицы.

Хэм испуганно оглянулся, но Сара ответила спокойно:

— Это миссис Сара Брандт, офицер Мёрфи.

Полицейский, проверявший двери на своем участке, дабы убедиться, что все они заперты, выступил в круг света, отбрасываемого газовым уличным фонарем. Он прищурился, оглядывая акушерку и ее спутника.

— Опять на вызов, не так ли?

— Точно.

— Надеюсь, не слишком далеко. Уж больно время неподходящее!

— Совсем недалеко, всего лишь в дом миссис Хиггинс.

Мёрфи кивнул. Свет, мелькнув, отразился от звезды на его полицейском шлеме.

— А провожу-ка я вас до места.

Сара вовсе не ожидала предложения сопроводить ее. Нью-йоркская полиция хорошо известна высоким уровнем коррумпированности, даже несмотря на недавние попытки ее реформировать, к тому же Сара не могла себе позволить платить за подобную защиту. Приходилось довольствоваться тем, чтобы время от времени делать маленькие подарки детишкам полицейских и иной раз баловать их самих сладостями, приготовленными на собственной кухне, дабы снизить доброе расположение. Поэтому рассчитывать оставалось лишь на то, что они все же придут Саре на помощь, когда это действительно потребуется.

Хэм Фишер, по всей видимости, не имел ни малейшего желания заполучить подобный полицейский эскорт. Он уже поспешно двигался дальше, надвинув шапку пониже на глаза, когда Сара догнала его. На секунду она задумалась, нет ли у Хэма причин избегать внимания полиции, но эта мысль пропала, едва возникнув. Ни у кого из бедных и незащитных людей никогда не возникнет желания быть замеченным полицейским. Ведь тот может его арестовать просто потому, что ему так хочется, а потом силой выбить из бедолаги признание в преступлении, которого он не совершал, но которое нужно на кого-то повесить.

Сара давненько перестала тешить себя иллюзиями и злиться по данному поводу. Женщине, к тому же одинокой, этот мир не изменить. Она, конечно, может что-то улучшить, помочь кому-то, пусть немногим. Именно это Сара и делает нынче ночью.

Ей уже приходилось почти бежать, чтобы не отстать от своего сопровождающего, и они за считанные минуты добрались до широких, засыпанных снегом тротуаров Пятой авеню. Перед тем как ее пересечь, Сара огляделась по сторонам, бросив взгляд вдоль улицы в направлении Вашингтон-сквер, где различила очертания огромной арки, недавно там установленной. Арка располагалась почти рядом с домом, где Сара выросла. Острые углы и силуэт сейчас были скруглены снежными сугробами, но знакомые очертания все равно отчетливо виднелись на фоне ночного неба. Потом Сара посмотрела в другую сторону, туда, куда ее родители переехали несколько лет назад. Они желали убраться подальше от наплыва художников, артистов и прочих свободномыслящих индивидуумов, вольнодумцев и атеистов, понаехавших в Гринвич-Виллидж. Эти люди совершенно изменили район, превратив его из анклава богатых людей в обиталище богемы. Улица оставалась такой же,

Виктория Томпсон

как прежде, но перемены произошли в тех пятидесяти кварталах, которые теперь располагались между старым жилищем Сары и новым городским зданием из красно-бурого песчаника, где теперь жили ее родители.

Интересно, осознают ли родители иронию своего нынешнего положения? Сара, конечно, могла бы спросить об этом у матери, но она не разговаривала ни с ней, ни с отцом со дня похорон Тома. Те пятьдесят городских кварталов, что отделяют от них скромный врачебный кабинет — бывший кабинет Тома, а теперь ее, — вполне можно считать океаном, поскольку Сара и ее родители живут теперь в совершенно разных мирах.

Женщина перевела взгляд на мощенную булыжником проезжую часть авеню. В дневное время пересекать эту улицу, лавируя в потоках карет, двухколесных кэбов и автомобилей, весьма опасно, и сделать это почти невозможно, но в связи со вчерашней бурей даже проститутки и их клиенты убрались на ночь под крышу. Саре сейчас следовало беспокоиться лишь о том, чтобы перейти дорогу, обогнув кучи лошадиного навоза и мусора, прячущиеся под слоем снега. Уличные уборщики еще не успели все это вывезти.

Миновав еще несколько домов, акушерка и ее провожатый пересекли Бродвей и вышли на небольшой зигзагообразный поворот улицы, который именовался Астор-плейс. За ним располагался тихий жилой район, где находился пансион миссис Хиггинс. В давние времена этот дом целиком принадлежал ее семье, но когда ее муж лишился зрения и потерял свой процветающий портновский бизнес, им пришлось переселить все семейство в две задние комнаты, а остальные сдавать жильцам.

К счастью, одна из этих комнат была в данное время свободна, так что миссис Хиггинс могла рожать в

относительно изолированном помещении при содействии своей соседки. Сбросив плащ и потопав ногами, чтобы сбить с туфель снег, Сара присоединилась к женщинам.

— Очень хорошо, что вы не успели начать без меня, — довольным тоном сообщила она, быстро оценив ситуацию.

Комната, обставленная по-спартански, была почти пустая, но чисто убранная. Чистым было и постельное белье. Многие врачи и акушерки не видят особой необходимости в соблюдении чистоты, но Сара давно уже убедилась, что матери, рожаящие на хорошо выстиранных простынях, справляются с делом гораздо лучше, чем те, которые этим пренебрегают.

Соседка миссис Хиггинс улыбнулась акушерке, но сама роженица ничего веселого в данной ситуации не видела.

— Схватки идут одна за другой. Не думаю, что малыш дождется утра... Ох, вот опять начинается!

Сара уже заметила, что миссис Хиггинс сильно тужится — верный признак начавшихся родов. Да, она права, этот ребеночек утра дожидаться не станет. Миссис Элсуорт будет крайне разочарована.

Акушерка бросила взгляд на золотые часы, припильенные к корсажу. Это был рождественский подарок от родителей, полученный бог знает когда. Требовалось засечь время схваток.

— Подождем, пока закончится очередная схватка, а уж потом я вас осмотрю, — сказала Сара. — Хорошо, что ваш жилец настоял на том, чтобы я поспешила. Давно она тужится? — Вопрос адресовался соседке.

Та открыла рот, чтобы ответить, но вдруг раздался ужасный вопль, испугавший всех трех женщин. Сара обернулась к дверям и увидела молодую девушку. Ей было лет шестнадцать-семнадцать, она еще не сформировалась окончательно и отличалась хруп-